

Саша
БУШМИНА

БЫВШИЕ
Второй матч
для БОССА

Саша Бушмина

Бывшие. Второй шанс для босса

«Автор»

2026

Бушмина С.

Бывшие. Второй шанс для босса / С. Бушмина — «Автор», 2026

– Какой пример вы подаете детям, гражданочка? Трактор угнали, имущество чужое им развалили. Кто за это отвечать будет? – отчитывает меня сурового вида полицейский. Отвожу глаза. Главное – отпираться до последнего! – Ничего такого я не делала, – бурчу под нос. – Свидетель есть. Все видел. И как вы забор с сараем валяли и как слова неприличные на нем писали перед этим. – возражает полицейский. – Какой еще свидетель? – А вон. Владелец трактора, забора и остального имущества, которое вы разнести успели. Полицейский кивает за мою спину. Я оборачиваюсь и сердце ухает в пятки. Там стоит мой бывший босс и, по совместительству, отец моего ребенка, о котором он даже не знает. – Ну привет, Юля Ерохина. Как расплачиваться будешь? – ухмыляется он недобро, складывая руки на груди.

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	8
Глава 3	11
Глава 4	13
Глава 5	16
Конец ознакомительного фрагмента.	19

Бывшие. Второй шанс для босса

Глава 1

– Что же это будет, что будет! Пропадем мы! – с самого утра причитает бабуля и прерывается лишь на единственный вопрос, – Оладушки-то Егорка съел?

Внук у нее всегда на первом месте, даже если за окном конец света, не важно, придуманный или нет.

– Съел-съел, – успокаиваю я ее и делаю глоток чая, – Играть уже с мальчишками убежал, не переживай.

– Ладно... хорошо. Ты тоже ешь, стынут же! – успокаивается бабуля, но лишь на мгновение. То и дело, бросает взгляд в окно.

– Не хочется, спасибо. – на всякий случай отодвигаю тарелку с оладьями подальше. Ненавижу их после одного случая в своей жизни.

– Может тогда варенье с чаем? – предлагает она, но прежде чем я отвечу, не выдерживает, бросает полотенце, что все это время сжимала крепко в руках и выходит из дома, напрямик в огород на разведку.

Мы гостим с сыном Егоркой у моей бабушки, Валентины Дмитриевны, всего три дня, но за это время я только и слышу, что разговоры о новом владельце местного колхоза. Точнее, сельского кооператива, который в деревне все только колхозом и называют.

– Да уж... – до этого молчавшая, тяжело вздыхает моя школьная подруга Люба, пришедшая погонять чай, – И правда, не радужно все.

Судачат о перекупке все соседи, с утра до вечера, с радостью подхватывая каждую новую сплетню или слух. А они тут множатся с геометрической прогрессией. Если так пойдет и владелец не объявится в ближайшую неделю, ему и рога придумают или вообще в инопланетяне запишут.

– Да чего вы нагнетаете? С чего вдруг взяли, что этот босс новый все закроет? – фыркаю.

– Ну а как не переживать, Юль? – всплескивает Любаша руками, – Тут же все, считай, в этом колхозе работают! Другой работы и нет, только школа и почта еле дышат, да магазин с клубом. А мужикам-то куда идти работать? Тут в пятидесяти километрах в округе нет ничего.

– Ну не купил же этот ваш загадочный миллиардер тут все, чтобы развалить? Он же не враг себе. – возражаю, желая хоть какой-то оптимизм поддерживать.

– Да кто его знает? Вон, соседний колхоз выкупил кто-то заграничный, все тоже радовались. Там директор соловьем пел, что они грант получают, зарплату поднимут, новых рабочих наберут. А как получили, так всех поувольняли, скотину под нож пустили, технику распродали или на металл сдали и свинтили. Ищи их теперь. А у людей дети, семьи. Вдруг и этот такой же? Прибыль снимет и все, а мы тут хоть с голоду помирай. Его-то какое дело? – жалуется подруга.

Хмурюсь, опуская взгляд в чашку.

– Я не знала этого, бабуля не рассказывала. Тогда да, плохо дело... а когда он явится-то, новый владелец?

– Да вот, сами ждем. Коттедж тот видела, что старый председатель отгрохал? – спросив, подруга подливает себе чайку.

– Ну да, такое сложно не увидеть. – усмехаюсь.

– Вот, говорят, его этот богачей тоже купил, там поселится. Лидия Семеновна с Жанной Палной уже дозор организовали. Если что, мы первыми узнаем, когда он приедет. Они ж соседки наши.

Лидия Семеновна и Жанна Пална – особая местная достопримечательность. Эти две старушки были не разлей вода еще когда я девчонкой тут бегала и яблоки тайком у соседей

тырила. Главные сплетницы, скандалистки и активистки. Мимо них муха не проскочит, не то что миллиардер.

– Ну тогда граница на замке, – шучу я.

– Ой, девоньки!!! Ой, горе-то какое!!!

Во дворе дома бабушки раздается такой пронзительный крик, что внутри все от тревоги екает. Переглянувшись испуганно с Любой, мы, не сговариваясь, бросаемся на улицу.

– Беда, беда-а! – голосит Жанна Пална.

Она наваливается на забор, так тяжело дыша, что грудь ходуном ходит. Глядя на ее красное лицо, я мысленно уже ищу валокордин.

Жанне Палне под восемьдесят уже, не дай бог...

– Что случилось, тетя Жанн? – едва не хватается за сердце Люба от волнения.

Даже моя бабуля бежит, перепрыгивая через грядки и сшибая зонтики укропа на ходу.

Втроем мы замираем, с ужасом ожидая самых плохих новостей. Потому что о хороших так не голосят!

– Ой... – отдышавшись, наконец выдает Жанна Пална, – Миллиардер-то энтот...приехал!

– Да тьфу на вас! – ругается Любаша, – Так же поседеть можно, тетя Жанн!

– Ну приехал и приехал, что ж так орать-то? – неодобрительно качает головой бабушка, потирая свою больную поясницу.

– Да вы не поняли! Он не просто приехал! Он приехал и сказал, что всё!!! – Жанна Пална делает страшные глаза и трагично замолкает.

– Да что всё-то?? – спрашиваем мы хором.

– А вот все! Не будет больше нашего колхоза, Любка, Валенька, Юлька! Сказал, с землей все сравняет, коттеджей настроит. Все, девоньки. Конец нашему селу!

Любаша качается и, схватившись за стену дома, оседает на завалинку.

– Как же так... мне же сына поднимать... – потрясенно шепчет она.

– А вот так. Все! – припечатывает Жанна Пална еще раз.

Секунду между нами висит тяжелая тишина, после чего она вдруг приосанивается, деловито поправляет одежду и говорит:

– Ну ладно, пойду я. Мне еще другим рассказать надо!

И бодренько, счастливая от новой сплетни, бежит к новому двору. Еще через тридцать секунд доносится снова, полное трагизма: Ой, горе-то какое!!! Что же это делается, люди?

Я оглядываюсь на Любу и у меня сердце сжимается. Мы учились в одном классе и хорошо дружили даже когда нас развела дорога.

Любаша пошла в местное ПТУ, а я отправилась покорять город. И обе мы вернулись сюда с разбитым сердцем.

Только Люба сразу, а я спустя семь лет.

Теперь у нас у обоих сыновья и предательство любимых мужчин за плечами. О нас просто вытерли ноги... а теперь вот новые проблемы.

Мы о своей боли даже друг другу не рассказываем толком. Видимо, не зажили еще раны, хоть моему Егору и шесть уже.

Я была глупой девчонкой на третьем курсе института, когда устроилась на подработку в крутой офис.

Втрескалась в босса сразу же, как только увидела. Заславский Борис Дмитриевич. Я даже его имя читала с благоговением и точно бы никогда не решилась подойти, не то что заговорить.

Кто он и кто я?

Босс преуспевающей фирмы, красавчик с миллионами на счету. Брутальный, с сексуальной короткой щетиной на скулах и цепким тяжелым взглядом.

И я – сирота, воспитанная бабушкой, которая еле перебивалась подработками, но зато прилежно училась.

Я могла только мечтать о том, чтобы построить хорошую карьеру, заработать денег и перевезти бабулю к себе.

Кто на меня такую обратил бы внимание? Думала я. К Заславскому в кабинет все время шастали девушки модельной внешности, с идеальной фигурой, похожей на тростиночку, и внешностью, как у куклы.

А я простая девчонка.

Но все изменилось в один новогодний вечер... волшебный и горький одновременно, потому что после него я осталась с разбитым сердцем и сыном на руках. Одна, в чужом городе, без работы...

Вздрагиваю, переносясь в настоящее.

Словно и не было всех этих лет – мне все так же больно, как тогда.

– Идемте, девочки, – легко уловив наше мрачное настроение, и сопоставив его со словами Жанны Палны, кивает бабушка, – Тут без рюмки чая не обойтись.

Глава 2

– Да все мужики полные козлы! – припечатывает Люба как можно более горячо, – Лишь бы за юбками по короче побегать! Да всем жить попортить!

Наши сыновья давно сладко спят дома, как и моя бабушка. А мы все сидим в беседке, болтая по душам. Конечно, бабуля не чай нам предлагала, а настоечку свою фирменную. Но мы отказались, не сильно любим такое.

Поэтому бабуля настояла, чтобы угостить нас домашним компотом. Пить его, холодненький, особенно замечательно после дневного зноя. Правда, он вначале как-то странно шипел, но мы его понюхали, попробовали и поняли, что он не пропал. Застоялся просто Наверное.

– И не говори, Любаш. Вот кто так поступить может, а? Просто взять и разом все сравнять с землей, людей на улицу выкинуть! Только сухарь самый настоящий! – сжимаю кулак, возражая куда-то в небо.

– Пovyдергивать бы ему ноги, ироду!

Мы синхронно вздыхаем и решаем пойти прогуляться, чтобы проветрить головы. Неожиданно, но в ногах ощущается слабость и даже мир как-то покачивается вокруг.

– Осторожнее, Юль, тут все как-то вертится, – бормочет Люба, хватаясь за меня.

Нас ведет в сторону, но вдвоем поймать равновесие куда проще.

Обнявшись, мы с подругой выходим за калитку, сохраняя мрачное молчание. Шагаем, насупившись, по сумеркам деревни, и даже собаки на нас толком не лают.

Прогулка, конечно, так себе, после посиделок в беседке с компотиком.

– Подожди-ка. – подает голос подруга.

Я на автомате шагаю вперед, но Любаша удерживает меня за руку.

– Что такое? – спрашиваю.

Подруга молча кивает на припаркованную у ворот коттеджа новенькую черную тачку и сплевывает на землю.

– Тьфу ты, чтоб ему пусто было. И правда миллиардер пожаловал.

– А тачка дорогая явно... – тяну я.

Мы переглядываемся, понимая друг друга без слов, и, не сговариваясь, шагаем в сторону машины.

– Красивая. Жаль, если попортится, – вздыхает Люба с притворством.

– Это да. Но это же деревня, всякое бывает. Тут вон, дорога щебнем засыпана, камушки отлетают, поцарапать могут... да и коровы рогатые ходят, что угодно вытворить могут. – соглашаюсь.

Подруга подхватывает камень поувесистее и, прижав к боку машины, ведет его в сторону. Даже в скудном свете ночных фонарей прекрасно видно глубокую царапину. А звук какой! Мед для ушей!

Оглядевшись вокруг и поняв, что свидетелей нет, я подхватываю второй камень и мы с Любашей самозабвенно, с высунутым языком, оставляем на машине наскальную живопись.

– Вот тебе, получай, толстосум хренов! Будешь знать, как простой народ обижать!

– Погоди-ка, Люб, – я дергаю за рукав подругу и тыкаю в сторону забора, – Давай на заборе еще что-нибудь нацарапаем!

Подружка тут же хватается за мою идею с восторгом. Скрежет об ворота, конечно, погромче, чем от машины, но уже скоро на новеньком заборе красуются надписи разной степени обидности.

– А давай напишем, что он бабулек любит? Или что написать еще? Как думаешь? – спрашивает Люба.

Но я ее уже не слушаю. Мое внимание привлекает трактор, стоящий неподалеку.

Сам дом находится на пригорочке, а трактор, видимо, оставили чуть ниже, чтобы если что не скатился. Новенький.

Ноги сами несут меня к нему.

– Юля? Ты куда, Юль? – шепотом зовет меня подруга.

– Тиш! Сейчас я ему устрою! Думает, раз у него денег много, так все, можно чужие жизни рушить?! Он у меня за все поплатится! Отойди, Любаша!

Подруга бросается за мной, но она чуть полненькая и мне удастся добраться до трактора первой.

Удивительно, но он открыт и ключи даже в замке торчат!

Пфф, типичный городской салага! Кто ж в деревне так все бросает?

– Юля, не надо! – испуганно "кричит" шепотом Любаша, – Юля, ты что задумала??

– Спокойно, Маша, я – Дубровский!

– Ты что, трактор водить умеешь??

– Да что там уметь-то? Та же машина!

– А ты права получила?

– Ну... я ходила на два занятия. Ой, да ладно, тут все такое же! Поехали!

Во мне пылает злой азарт. Я всю жизнь была хорошей девочкой, прилежной ученицей, идеальным сотрудником. Меня шпыняли, оскорбляли, начальство не замечало, как много я работаю и сколько обязанностей на себя беру.

Как только Егору исполнился годик, я вышла с академа, устроилась работать специалистом в банк. И все это время честно работала! Я ведь даже больничные брала редко, часто оставалась на переработки. А они, между прочим, не оплачивались!

И меня все равно сократили! Меня, мать-одиночку с сыном шестилетним!

Вот такой же вот самодур, как этот придурок, что явился в деревню чужие жизни разрушать!

Злость кипит внутри со страшной силой. И я, повернув ключ зажигания, переключаю передачу и даю на газ.

– За Любашу! За деревню! За Сталина! А-А-А-А!

Управлять машиной оказывается сложнее, чем я предполагала! Руль постоянно норовит выскользнуть из моих слабых рук, трактор мотает из стороны в сторону. Но, хуже того, даже когда я убираю ногу с педали газа, он все равно продолжает ехать!

– Тормоза-а-а! Где тормоза-а-а-а!!!? – ору в панике, нажимая сразу на все, до чего только успеваю дотянуться.

Мотор ревет, когда трактор, сияя всеми огнями, сминает забор и несется напрямик в сторону сарая.

Под оглушительный гудок клаксона и вой собак я сношу стену и влетаю внутрь. И лишь когда он врывается во вторую стену, я додумываюсь выключить зажигание.

Гул стихает, меня всю потряхивает после пережитого. Даже остатки волшебного бабушкиного компота испаряются и в голове проясняется.

– Какого черта здесь творится?! – рявкает из темноты мужской голос.

Его обладатель рвет дверь трактора в сторону и светит мне в лицо фонарем. Я морщусь, прикрывая глаза.

– Вы что тут устроили?! Вы мне забор снесли!

– И сарай, – зачем-то подсказываю я.

Мужчина застывает. Судя по всему, онемев от моей наглости. И именно в этот момент с оглушительным скрипом сарай складывается пополам. Доски валятся на мужика, погребая под собой.

С немым ужасом я смотрю на то, как гаснет луч фонарика под кучей обломков.

Даже не отдаю себе отчета, как выбираюсь наружу через вторую дверь. От ступора я застываю вместо того, чтобы помочь.

- Юля! Юля, господи! Ты цела??

Ко мне подлетает Любаша, хватает за руки, ощупывает всю, пытаюсь понять, есть ли какие-то повреждения.

– Вроде бы, – бубню на автомате.

– А миллиардер-то где??

Я перевожу взгляд на грудку разломанных досок, которые когда-то были сараем, и внутри щелкает.

Я только что убила местного миллиардера!

Ну вот и все... теперь у Егорки не только мать безработная, но еще и уголовница...

– Юля? – разволновавшись, трясет меня Любаша, - Так где миллиардер-то?? Он из дома за тобой выскочил!

– Сложился, – замогильным голосом говорю я и проваливаюсь в обморок.

Глава 3

– Какой пример вы подаете детям, гражданочка? Трактор угнали, имущество чужое им развалили. Кто за это отвечать будет? – отчитывает меня сурового вида полицейский.

Как только меня в чувство привели, так сразу в беседке перед усадым полицейским лет пятидесяти и посадили. И лишь чудом, буквально краем глаза увидела, что в скорой кому-то голову перебинтовывают.

Выжил-таки миллиардер, чтоб его черти полоскали.

Из-за него же все и началось! Он первым решил колхоз разваливать, а теперь я виновата?!

Вздыхаю и отвожу глаза. Главное – отпираться до последнего!

– Ничего такого я не делала, – бурчу под нос.

– Свидетель есть. Все видел. И как вы забор с сараем валяли и как слова неприличные на нем писали перед этим. – возражает полицейский.

– На тракторе или на заборе? – уточняю, сложив руки на груди.

– На заборе.

– Так вы же сказали, я его свалила.

– Вы мне тут не паясничайте!

– Я просто вижу несостыковки! – демонстративно всплескиваю руками.

Полицейский тяжело вздыхает и злобно шевелит усами, сверля меня взглядом.

– Вы, Юлия Александровна, кажется не понимаете. Мало того, что вы попортили чужое имущество, – дядька постукивает кулаком по полуразрушенной беседке.

Я тут же перебиваю:

– Простите... а беседку что, тоже я?

– Это я образно! – мгновенно злится дядька.

– А вы мне чужое не приписывайте! И сарай тот сам, может, упал! Вы видели, какие там доски трухлявые? Ветерок подул, вот его и свалило! – вру на ходу.

– Какой еще ветерок? – багровеет полицейский.

– Ураганный!

– Так! Юлия Александровна, вы по-хорошему, я так понимаю, не хотите?? Я в участок вас отвезти могу, закрыть там на трое суток. Может тогда шутить перестанете!

– Да не шучу я, – снова бурчу под нос и с тоской смотрю на Любашу.

Подругу тоже допрашивает в стороне молоденький полицейский и, судя по ее грустному лицу, дело плохо.

Вздыхнув, я обреченно говорю:

– Не надо в участок. У нас с Любой сыновья маленькие, а мы матери-одиночки.

– Вот и отлично! Тогда рассказывайте, что случилось. От начала и до конца. У нас, между прочим, свидетель есть, – снова давит неопровержимыми уликами усач.

– Какой еще свидетель? Вы его сначала предъявите!

– А вон. Владелец трактора, забора и остального имущества, которое вы разнести успели.

Полицейский кивает за мою спину. Я оборачиваюсь и сердце ухает в пятки.

Закончив у скорой, теперь тут стоит мой бывший босс и, по совместительству, отец моего ребенка, о котором Борис даже не знает.

– Ну привет, Юля Ерохина. Как расплачиваться будешь? – ухмыляется он не по доброму, складывая руки на груди.

Заславский ни капли не изменился. Только возмужал еще больше, в плечах раздался. Стал похож на матерого хищника. Густые темные брови и взгляд голубых глаз с поволокой – тот же мартовский котяра, на которого женщины толпой вешались, а он менял их, как перчатки.

И я в его сети тоже попала... думала, он влюбился в меня, но Заславский наутро даже моего имени не вспомнил.

Тогда мои розовые очки наивной деревенской девчонки треснули. А окончательно разбились в момент, как я пришла к нему в слезах с тестом на беременность, а он меня выставил. Денег дал на решение этого и уволил.

Теперь этой "проблеме" сейчас шесть лет.

На меня будто кипяток выливают, заставив разом вернуться в прошлое. Резко обернувшись обратно к полицейскому, я тыкаю в сторону Бориса пальцем:

– Это он во всем и виноват!

– Чего?! – мой бывший босс явно не ожидает такой подставы.

– Это из-за него все! Он местный колхоз выкупил и сказал, что с землей его сравнивает! Представляете?! Всех уволит, всю деревню! А что людям есть-то?? Не у всех денег, как у этого буржуя недоделанного!

После этих слов, мотаю головой и прожигаю глазами Заславского, гордо вскинув подбородок.

– Юль, ты что, меня не помнишь? — растерянно спрашивает Борис.

Но я так распаляюсь, что начисто его игнорирую. Вскидываю на ноги и, сложив вместе запястья, тыкаю их под нос усачу.

– Если меня за правду забрать хотите, за восстановление справедливости, то давайте, вяжите!

Полицейский неожиданно смущается от моего пыла и ласково говорит, отводя мои руки в сторону.

– Ну что же вы, Юлия Александровна, разнервничались? Не надо так. Вы же сами сказали, что вы мать-одиночка и ребенок у вас маленький. Никто вас никуда не заберет. У вас кто, кстати, пацан, девчонка?

Шмыгнув носом, я опускаюсь на место.

– Пацан.

– А лет ему сколько? – добреет полицейский.

– Шесть. – отвечаю на автомате.

– Шесть?? – раздается позади меня хриплый голос бывшего босса.

А потом воцаряется молчание. Нехорошее такое, давящее.

Я сглатываю слюну. От напряжения уже сама готова на себя наручники надеть и в участок побежать, лишь бы не чувствовать прожигающего спину взгляда. Но не успеваю сказать и слова.

Заславский появляется передо мной и сухо чеканит:

– Товарищ капитан, оставьте нас на пять минут. У нас с Юлией Александровной серьезный разговор. Про нашего общего сына.

Глава 4

Усач спешно ретируется. Даже перечить не пытается. Я хватаю ртом воздух, умоляюще глядя на капитана. Да как он смеет меня так бросать?? В такую минуту!

– Куда вы? Вы же страж порядка! Так сторожите! – запоздало опоминаюсь я.

Но полицейский семенит к Любаше и помощнику. Отводит его в сторону и что-то бормочет, указывая в нашу сторону пальцем.

Да он что, какого-то миллиардера испугался?! Тюфяк!

Не то что я. Я вот не боюсь. Не смотрю больше, правда, на Заславского, но не боюсь точно.

– Ничего сказать мне не хочешь, Ерохина? – рычит бывший босс.

Стискиваю зубы. Решаюсь наконец глянуть в сторону Бориса и взглядом будто нож в него метая.

Стоит, нарисовался. Голова перебинтована, ссадины на лице и бицепсах, но это несколько внешний вид не портит. Бесит этим.

Еще и злой до жути, желваки по скулам ходят. Впечатляюще. Но он давно уже не мой босс. И не мой мужчина. Никогда им и не был.

Так что бояться мне нельзя. Наоборот, надо стоять горой до последнего.

– С чудачками на букву "м" не разговариваю! – отрезаю жестко и подбородок гордо вздергиваю.

У Бориса брови на лоб лезут.

– То есть ты мне посреди ночи тачку попортила новую, только из салона, забор и постройку, а я, значит, чудак?? – он злится еще сильнее и тут же надвигается на меня, – Так еще и вскрывается внезапно, что ты все-таки родила!

– Тебе показалось.

– Что именно из всего перечисленного мне показалось, Ерохина?

– Все. Я от тебя не рожала, понял? Ты же мне денег тогда дал, Борис Дмитриевич, – говорю я ехидно, – Так что никакого сына нет и не было! И остальное тебе тоже приснилось. И вообще, нормальным людям заборы не валяют и машины не портят!

Заславский сверкает глазами и чуть ли не зубами скрипит.

– Хочешь сказать, я заслужил?

– Еще как! Это вообще цветочки за то, что ты сделал!

Я делаю шаг в сторону, намереваясь обойти его и вернуться к усачу-полицейскому.

Честное слово, никогда бы не подумала, что сама буду рваться на допрос! Но лучше уж там, чем еще хотя бы минуту провести с бывшим, который всю душу когда-то вывернул.

– И что же я такого сделал? – Борис складывает руки на груди, преграждая мне путь.

Мы почти сталкиваемся и я сразу же отпрыгиваю, будто обожглась.

– А ты подумай на досуге. Говорят, это полезно.

Вместо того, чтобы попытаться протиснуться мимо бывшего босса, который весь проход своей широкоплечей фигурой закрыл, я сажусь на невысокое ограждение беседки и перекидываю ноги на другую сторону, легко оказываясь на свободе.

– Это говорит та, кто вместо того, чтобы о сыне подумать, под уголовку себя подводит? – иронично бросает Борис мне в спину.

А вот это уже прием запрещенный! Трогать моего сына нельзя, тем более ему!

Резко развернувшись, я упираю руки в бока и строго припечатываю:

– Знаешь, не тебе меня учить!

– А что такое? Птица не твоего полета? – язвит он.

– Если ты и птица, то только козлодой. Вылитый!

– Козодой, вообще-то, – поправляет Заславский.

– Вот видишь, ты такой умный, а все равно козлодой, – парирую я с улыбкой на лице.

Бывший рыкает угрожающе и подается ко мне ближе снова, словно собираясь тоже через ограждение сигануть.

Пискнув от страха, я бросаюсь к полицейскому.

– Господин-товарищ-попитан... в смысле капитан! – я прячусь за его спину и тыкаю в сторону злого, как тысяча чертей, бывшего, – Официально заявляю, если вы меня найдете с увечьями или немножко неживую, во всем виноват он! Он меня прибить хочет!

– Официально заявляю, что да, – уничтожая меня взглядом, грохочет Заславский.

– Вот видите! Прошу запротоколировать и иметь в виду! Этот олигаршонок сам признался!

– Спокойно, Юлия Александровна, он же просто шутит, – пытается образумить нас усач и с надеждой смотрит на Заславского, – Верно же, Борис Дмитриевич?

– Верно. Шучу, – цедит бывший с самым убийственным выражением лица.

– Да он же маньяк вылитый! Вы посмотрите, как он на меня смотрит! Любаша, ты видишь?

– Вижу, – подтверждает подруга мрачно.

– Вот!

– Девушки, ну а как он еще должен смотреть? – улыбается полицейский помоложе, – Три часа ночи, а вы имущество ему попортили, машину новую поцарапали. Тут любой на его месте прибить вас захочет.

А затем вообще гыгыкает, не стеснясь.

Все, как по команде, зыркают в его сторону и молоденький практикант давится последним гыком и неловко замолкает.

– Извините, – сконфуженно выдавливает он, – Не очень удачная шутка...

– Давайте лучше вернемся к допросу. Дел еще много, заснять все надо, записать, опросить, – суется усач, переводя тему разговора.

– Нет. Давайте лучше отойдем и поговорим, – неожиданно приказывает Заславский.

И не дожидаясь, он уходит в сторону, как будто знает, что его не могут не послушаться. Полицейские переглядываются, медлят, словно переговариваются молчаливо, но все-таки направляются к миллиардеру.

Мы с Любашей в мрачном молчании ждем вердикта.

Наконец усач возвращается и, кашлянув, отводит глаза.

– В общем, у пострадавшего нет претензий и вы, так-то, можете быть свободны... только, пожалуйста, не надо больше никому ущерб причинять. Я понимаю, вы, женщины, народ опасный, особенно когда обижены. Но даже справедливо мстить никому не надо.

– Вы так говорите, потому что вы сам мужчина! – возмущаюсь я.

– Точно! Все, как всегда, ложится на хрупкие женские плечи! – поддерживает меня Любаша. – Пошли отсюда, подруга!

Не сговариваясь, мы гордо удаляемся к дыре, на месте которой раньше красовались новенькие ворота.

Несмотря на бравладу, внутри все подрагивает после пережитого. Встречи со своим бывшим я никак не ожидала.

Как не ожидала и того, что Заславский перехватит меня за руку и дернет к себе.

Вздвигнув от внезапного касания, я оборачиваюсь и сталкиваюсь с ним нос к носу.

– Завтра мы с тобой нормально поговорим, Юля. Даже не пытайся бегать от меня, – вкрадчиво рокошет Борис, нависая.

Я упрямо поджимаю губы.

– Нам не о чем говорить. Если ты о ребенке, то к врачу меня уже не отправить и обратно его никак не запихнуть.

– Не ерничай. Избежать разговора тебе не получится.

– Юля? Все нормально? – заметив, что я отстала, Любаша зовет меня с беспокойством.

Но подходить не спешит.

– Все хорошо, – прожигая Бориса взглядом, я демонстративно вырываю руку.

Догоняю подругу. Стоит отойти немного, как Люба склоняется ко мне и шепотом спрашивает:

– Что он от тебя хотел?

– Да ничего, – отмахиваюсь я деланно беззаботно.

А у самой поджилки трясутся. Я не знаю, что на уме у Заславского.

Если он вдруг решит конкурировать со мной за опеку над ребенком или вообще отобрать его, я проиграю. Мать-одиночка без работы и денег против миллиардера – исход ясен, как день.

Я должна сделать все, чтобы он не добрался до моего сына и даже не увидел его!

Глава 5

Любаша с меня целый допрос успеваает снять, пока мы домой идем. Но я как партизан, молчу до последнего. Еще и прошу ни бабуле моей, ни сыну ничего не говорить. Зачем их зря тревожить.

Но зря я беспокоилась о том, чтобы подруга случайно не ляпнула кому-нибудь лишнего. Наутро уже вся деревня гудит о наших с Любой приключениях и без ее языка.

Даже поспать толком не успеваю, как меня уже за плечо Егор тормошит.

– Мама, мам, а правда, что ты трактором чуть дом не снесла? – спрашивает сын, блестя глазами от восторга, – Я и не знал, что ты крутая такая, мам! И что трактор водить умеешь!

Я сонно потираю глаза.

– Откуда ты узнал? – спрашиваю охрипше.

– Теть Жанна рассказала. – отвечает сын.

Со стоном переворачиваюсь на другой бок.

Ну как старенькая соседка и это смогла узнать?? Не устраивает же она круглосуточный дозор! Хотя, о чем это я... за остатки ночи Борис забор свой даже со всеми своими деньгами вряд-ли бы восстановить успел.

– Мам, а ты меня на тракторе прокатишь? – допытывается Егор дальше.

– Если найду новый трактор, обязательно прокачу, – обещаю с улыбкой.

– А ты еще один угони! Ты же у меня крутая! – советует сынок и весело смеется.

– Ну так нельзя! Я хочу быть в команде героев справедливости. – я смеюсь тоже и обнимаю Егора, сграбастав в крепкие объятия.

Думаю, как бы так сделать, чтобы Борис с сыном не встретился... ладно бы город, там другим маршрутом хотя бы ходить можно, но в деревне ты так не разминешься.

Тем более, что у сына шило в попе – он то в футбол убегает гонять с местными мальчишками, то на речку просит его сводить, то, как и я раньше, лазает по чужим огородам, чтобы малину лопать и собак наглаживать.

Рано или поздно мы точно столкнемся.

– А ты не хочешь с бабушкой и Мишей в город съездить? – предлагаю я, зная, что они с сыном Любаши сдружились. – На аттракционах покататься, сахарной ваты наестся. Бабушка свою куму навестит.

– Да, да!! – радостно хлопает в ладоши Егор.

И я радуюсь тоже. Остается с бабулей поговорить, а потом и нерадивого папашу отвадить.

А то сначала к врачу меня отправлял, а теперь познакомиться с сыном хочет. Нетушки, ушел поезд, причем давно!

– Что это вы с Любашкой натворить ночью успели? – ворчит бабуля, когда я решаю позавтракать и выхожу на кухню.

Егор убегает к Мише, чтобы рассказать ему о планах, так что взрослому разговору никто не мешает.

– Ничего. Так, немного победокурили.

Я стараюсь говорить как можно ровнее. Да и вряд ли бабушка вдруг решит, что у нас с заездным миллиардером какая-то связь может быть. Так и выходит.

Всплеснув руками, ба садится напротив и причитает:

– Ну как же так, Юленька? Мне сказали, ты там делов натворила, а не Любашка, сарай какой-то свалила, забор... ты ж сама знаешь, люди при деньгах жадные, злые! Мы для них так, пыль под ногами. Впаяет тебе долг или, не ровен час, вообще посадит!

Бабушка всхлипывает и прикрывает рот ладошкой.

– Ну чего ты, ба? Перестань, - тут же спешу успокоить ее, - Мы ему все объяснили, что за дело вообще-то он получил, так что не будет этот хмырь никакого заявления писать. Он вообще сказал, что претензий нет

Бабушка застывает.

– Как это – нет??

– Вот так, - пожимаю плечами, допивая молоко, – Так что не переживай, бабуль. И знаешь, я что хотела предложить. Может, ты возьмешь Мишку и Егора и в город к куме съездишь на пару дней? На карусели их сводишь, я денег дам.

Ба, пошатнувшись, без сил наваливается на стол. Так трагично, что я, всполошившись, на ноги подсакиваю – а вдруг с сердцем что??

– Ты чего, бабуль??

– Он вас с Любашей как-то по-другому отрабатывать заставил? – шепчет она, – Всякими непотребствами заниматься? Поэтому ты меня и детей в город сплавляешь??

От одного предположения бабули у меня глаза чуть не на лоб лезут. И как вот приличной пожилой даме на ум такое пришло вообще??

– Ба, ну ты вообще! Как скажешь, так хоть стой, хоть падай, - фыркаю я и, не сдержавшись, смеюсь.

Бабуля тут же насупливается.

– Мы с Любашей просто сказали, что все село на него в обиде за то, что развалить тут все решил. Ну он, видимо, впечатлился. Так что хорошо все.

– Точно? – недоверчиво косится она.

– Точно. Иначе я бы тут не сидела.

Объяснение бабулю удовлетворяет полностью. В конце концов, и правда, будь все серьезно, меня бы в отделение повезли.

Конечно, Заславскому я благодарна, что дело на тормоза спустил, но пусть не думает, что я как-то подobreю!

Мы решаем, что в город они поедут завтра, тем более, что и Любаша не против отпустить сына погулять, а даже рада, потому что он тоже у нее через чур любопытный и уже все уши прожужжал вопросами. Срочно нужны новые эмоции.

Поэтому вечером меня ждет обычная рутина – полив огорода, только после чего я соберу рюкзачок сыну, а после сяду думать о том, что делать с бывшим.

Пока Егорка с Мишей купаются в большом баллоне за домом, я беру лейку и выхожу на крыльцо.

И в этот же момент лейка падает у меня из рук, потому что прямо перед входом стоит Заславский.

– Ну привет, вредительница, - хмыкает Борис, как ни в чем не бывало, и всовывает руки в карманы брюк. – Поговорим?

Только я хочу выпалить, что разговаривать нам не о чем, как из-за поворота дома выбегает Егор.

Мокрый, с надувными нарукавниками на руках, он взбегает на крыльцо и чуть не врежется в Заславского.

– Мама, мам, можно лимонад к баллону унести?? Пить охота! Ой! – восклицает он и останавливается, как вкопанный.

Удивленно смотрит на Бориса и выдавливая:

– Мам, а что это за дядя?

У меня сердце сжимается от его вопроса. И от взгляда Заславского на сына, потому что одной секунды достаточно, чтобы понять, что он полная его копия, не считая лишь светлых волос, как у меня.

– Я? А я твой папа, малыш, – легко признается Борис и у меня из-под ног выбивает почву.
– Будешь жить со мной?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.